

Экономическое сознание и поведение: состояние и тенденции (1990–2012)*

**Жан Терентьевич
ТОЩЕНКО**

член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», декан, зав. кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (zhantosch@mail.ru)

Основные индикаторы и показатели экономического сознания и поведения. В Советском Союзе согласно идеологическим установкам была провозглашена политика реализации социального равенства, социальной справедливости, социальной защиты. Ряд положений этой программы был реализован. Вместе с тем к 1970–1980 гг. стало все очевиднее вырисовываться парадоксальное явление: говорилось одно, реализовывалось совсем другое. Причем это противоречие усугублялось, росло, стало приобретать все большее воздействие на сознание и поведение людей. И что бы ни говорила официальная пропаганда, как бы на словах ни убеждали людей в преимуществах социалистического образа жизни, в сознании советских людей укреплялось

Главное отличие ушедшей эпохи от нынешней люди видят в том, что раньше было плохо, но шли вперед, а сейчас топчемся на месте и еще взятки за это топтание берем.

С. Лесков, публицист (Известия, 24.12.2003)

мнение, что «так жить нельзя» (С. Говорухин). К этому добавлялось сравнение, что на Западе люди живут богаче, лучше, точнее, имеют возможность пользоваться таким количеством благ и услуг, которые виделись лишь в далекой перспективе или не виделись вообще. Это было обусловлено тем, что новизна, новаторский дух провозглашенных в СССР положений, а также боязнь революций заставили лидеров западных стран учесть потребности времени и осуществить многие мероприятия по обеспечению населения широким набором социальных услуг. Все это привело к тому, что в сознании советских людей все труднее уживались эти противоположные устремления – официальное, декларативное и личное, индивидуальное, что в конечном

* Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ № 12-06-00155.

счете проявило себя в безразличии к судьбам социализма в начале 1990-х гг.

Поэтому к ведущему показателю экономического сознания, на наш взгляд, следует отнести такой феномен, который проявил себя как результат многолетнего соревнования капиталистической (западной) и социалистической (советской) модели развития: у инициаторов социалистических программ многие прогрессивные идеи остались словами, декларациями, а у их оппонентов на деле они были реализованы, будучи зафиксированы в их социальных программах (подробнее см.: Тощенко, 2009).

Но обнаружение слабостей и просчетов советского строя и склонность приветствовать достижения западных стран вскоре обернулись осознанием того, что ожидание позитивных перемен не состоялось или, по крайней мере, потребовало еще одного поворота в понимании происходящих изменений.

По данным всесоюзного/всероссийского исследования оценок экономического положения людей почти за четверть века (рук. Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойков), люди скептически оценивают происшедшие изменения (табл. 1).

Анализ этих данных показывает, что резко возросли оценки негативного характера, хотя данные конца 1980-х — начала 1990-х годов регистрировали оптимистические ожидания, надежды на кардинальное улучшение своего благополучия. Люди оценивали не провозглашенные обещания и посулы, а достигнутые результаты. Экономическое сознание людей достаточно четко фиксировало/фиксирует реально сложившуюся ситуацию и улавливало/улавливает главные характеристики функционирования хозяйственного механизма, что ставит людей в парадоксальное положение — отвержение отдельных пороков одного из строев не компенсирует происшедшие изменения, которые принесли не меньшие, если не большие пороки и издержки.

Но парадокс остался парадоксом: одни действовали словами, другие — делами. И как не раз подтверждала история, в том числе и марксистская доктрина, именно за делами остается последнее слово.

Одновременно на фоне этого глобального противоречия развивались, появлялись, обострялись существующие противоречия, рождая новые специфические парадоксы,

Таблица 1. Какие следствия вызвал переход к рыночным отношениям?
(в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	1990	2012
Снизился уровень благосостояния	33	47,9
Усилилась несправедливость в оплате труда	12	45,5
Усилилось расхищение трудовых ресурсов	13	54,5
Усилилась инфляция	17	52,9
Увеличилось число экономических преступлений	18	56,4
Выиграли только богатые	27	47,9

Примечание. Исследование было проведено 24–31 мая 1990 г., опрошено 1525 человек в 17 регионах СССР (Архангельск, Ашхабад, Баку, Волгоград, Гродно, Запорожье, Иркутск, Кишинев, Москва, Московская область, Орел, Рига, Ростов-на-Дону, Семипалатинск, Тбилиси, Челябинск, Якутск). Исследование проводилось 5–10 октября 2012 г., опрошено 1201 человек в возрасте 18 лет и старше в 12 субъектах Российской Федерации (в Красноярском, Ставропольском, Хабаровском краях, Волгоградской, Воронежской, Иркутской, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Челябинской областях, гг. Москва и Санкт-Петербург) по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности.

присущие как советскому, так и постсоветскому периоду. Что касается советского, *то в Советском Союзе субъект собственности был предельно обезличен*: он представлял нечто аморфное и всеохватывающее — государство и общество, что не оставляло ниши никакому особенному интересу. И сколько бы ни говорили о чувстве хозяина, о том, что каждый советский человек — владелец и распорядитель национального богатства, осознание приобщенности к решению основополагающих проблем бытия не прибавляло ничего к этой декларации. В период растущей отчужденности от социалистической собственности, которая, как ни удивительно, увеличивалась по мере возрастания усилий официальной пропаганды о прогрессе развитого социализма, в 1970–1980 гг. была распространена горькая шутка: «Чувство хозяина есть, а хозяина — нет».

Советская экономика так и не смогла реализовать идею Ленина о том, что социализм может победить только в результате преимуществ в росте производительности труда. А эта производительность в период «развитого социализма» стагнировала и даже стала сдавать позиции практически во всех отраслях народного хозяйства. На последнем этапе развития социалистической экономики стало очевидным фактом (при всех недостатках и искажениях официальной статистики) отставание в производительности труда в промышленности в полтора-два раза, в сельском хозяйстве — почти в 3–5 раз. В современной России этот разрыв не только не сократился, но и увеличился: производительность труда в промышленности составляет 20–25% от мировых показателей, а в сельском хозяйстве — примерно 15% (данные Минэкономразвития, 2014). Парадоксом стала ситуация, которая достаточно ярко схвачена в ироническом двустишии: «Мы не сеем, не пашем, не строим — мы гордимся общественным

строим». А эта «гордость» без основательной материальной базы не могла привести ни к чему иному, как к появлению в общественном сознании разочарования, горечи, недоверия и такого противоречивого умонастроения советских людей, как: «У нас строй лучше, но лучше живут они».

В условиях рыночной экономики появились парадоксы, которые приобрели массовидный характер. *Одним из таких парадоксов является отношение к рыночной экономике и ее основным, ведущим субъектам — банкирам, предпринимателям, крупным собственникам и т.д.*

Но сначала немного истории. Когда идеи рынка стали проникать в общественное сознание, многих людей не пришлось долго убеждать — это делала сама жизнь. Сначала в годы перестройки, с середины 1980-х гг., надежды большинства людей были связаны с верой в возможность резкого рывка в развитии народного хозяйства. Но уже к началу 1990-х гг. население было озабочено другим: оценив бесполезность экономических потуг инициаторов перестройки, люди стали обращать внимание на возможно иные меры, в частности те, которые использовали страны с высоким уровнем развития и стандартом жизни (Душацкий, 1998; Ильичев, 2005).

Если задним числом взглянуть на динамику изменений общественного мнения по отношению к рынку, введению частной собственности на землю и некоторые другие рыночные проблемы, то сначала эти идеи разделяли немногие. К концу 1989 — началу 1990 г. в общественном сознании произошел серьезный сдвиг. Всероссийское исследование под руководством автора в мае 1990 г. показало, что к введению рынка (полностью или частично) положительно относились 43% коммунистов и 28% населения. К марту 1991 г. сторонников рыночных отношений было уже 57%. Осень 1991 и 1992 гг. принесли доказательства еще большей поддержки рынка — приемлемым

Таблица 2. Как Вам кажется, начиная с августа 1991 г. страна пошла в правильном направлении?, %

Варианты ответов	2003	2005	2007	2011, октябрь
В правильном направлении	30	25	28	42
В неправильном направлении	47	50	37	39
Затрудняюсь ответить	23	25	35	19

Источник: Общественное мнение-2008 [Электронный ресурс]. – М.: Левада-центр, 2008. – С. 177. – Режим доступа: www.Levada.ru/press/2009072202.html

его для своей жизни признавали от 70 до 80% работающего населения страны.

Однако рост тягот в связи с гайдаровской шоковой терапией привел большинство людей к негативной оценке рыночных реформ (до 80% отрицательно оценивают экономическое положение России). Это разочаровало и поколебало веру людей в необходимость рыночных преобразований (табл. 2).

Таким образом, ориентация на рынок как основное средство преобразования экономики и образа жизни еще не стала ведущим лейтмотивом в общественной и личной жизни. Людями сопоставляются не только «ухабы» и просчеты российского опыта, но и опыт стран, устойчиво и плодотворно работающих в условиях рынка. **Раскол в понимании возможностей рынка продолжает существовать, несмотря на некоторый рост позитивных оценок его форм и методов.** Поэтому абсурдной и претензионной выглядит позиция либерал-демократов, ранее сторонников «Демократического выбора России», а теперь «Правого дела» и его наследников, пытающихся представить себя единственными носителями рыночных преобразований, а остальных — их противниками.

Реальная ситуация иная: все политические силы, от либералов до коммунистов, от аграриев до национал-патриотов, сориентированы на рынок. Спор — и очень острый — ведется вокруг того, какую цену должны заплатить люди за переход к новым хозяйственным и организационным формам функционирования производства, за какой период времени и с какими издержками. Но, к сожалению, в этой поле-

мике продолжают господствовать старые привычки — «если ты не согласен со мной во всем без исключения, значит, ты против меня, моей программы, моих идей и представлений». Но народ живет не по законам (часто и надуманным, и вздорным) политической борьбы, не по предпочтениям и нравоучениям политических партий и движений, не в соответствии с социально-экономическими концепциями и теориями, а исходя из того, что человека окружает в реальной жизни, что на него воздействует больше всего. И в силу этого он попадает в исключительно противоречивую, парадоксальную ситуацию, не позволяющую ему принять правильное решение, сориентироваться в обстановке, разобраться в противоречивой ситуации, толкающей его на взаимоисключающие поступки.

В общественном сознании людей господствуют не политэкономические категории, будь они монетаристского, фискального или социально-ориентированного толка. В повседневной жизни люди задают вопрос — и себе, и окружающим: «А кто повинен и ответствен за наше бедственное положение, за отсутствие социальной и правовой защиты и поддержки?»

Люди часто винят в бедах тех, кто держит власть в руках: президента, правительство, Государственную Думу, чиновничество в целом. Но это абстрактная критика, ибо в высших эшелонах власти обстановка часто меняется и претензии к власти предержавшим все труднее приписать конкретному лицу — слишком неопределенна ситуация с так называемой элитой, со стагнацией или чехардой руководящих временщиков.

Таблица 3. Какие из следующих обстоятельств, на Ваш взгляд, мешают экономическому развитию в нашей стране? (Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Ответы приведены в порядке убывания количества ответивших, в % к числу ответивших)

Варианты ответов	2012	1990
Круговая порука и коррупция	48,4	46
Безнаказанность нарушителей законов	36,8	-
Ошибки в экономической политике	34,9	62
Бесхозяйственность	30,4	-
Административный произвол властей в управлении экономикой	24,6	30
Нехватка квалифицированных руководителей	18,7	-
Отсутствие условий для свободного предпринимательства	14,2	23
Монополизм производителей товаров и услуг	10,4	34
Уравниловка в оплате труда работников, занятых по найму	7,8	44
Влияние преступных группировок на экономику	7,4	-
Зависимость экономики от политических и идеологических догм	7,3	28
Превращение производства и сферы услуг в «богадельню» для лентяев	4,8	34
Другое	0,7	-
Затруднились ответить	3,2	-

Примечание. Знак (–) означает, что этот вопрос в 1990 г. не задавался.

Необычность ситуации заключается в том, что, не отвергая идей рыночной экономики, люди начинают искать тех, кто загнал их в этот социальный тупик, и пытаются найти выход, в том числе и принять меры по прекращению своего униженного положения, положения попрошайки, нахлебника. У людей есть желание трудиться, ясная голова и работающие руки, при помощи которых они вправе претендовать на достойную жизнь. Но кто не дает этого добиться?

Поэтому не удивительно, что *недовольство начинает сосредотачиваться на тех лицах, которые на самом деле олицетворяют рыночные отношения, а именно: на бизнесменах, банкирах, предпринимателях и на всех акторах нового экономического театра*, которые связаны с ними и которых часто называют «новыми русскими». Если исходить из сути дела, то они прокладывают путь новым экономическим отношениям, олицетворяют торжество новых реалий.

Но так как становление их как полномочных представителей рынка зачастую

замешано на самых беспардонных и криминальных формах наживы и «прихватизации», международной и внутренней спекуляции, отмывания теневого капитала, в общественном сознании эти люди ассоциируются с преступниками, что, кстати, не всегда далеко от истины. По мнению экспертов, в цивилизованной форме бизнес ведут 25% опрошенных менеджеров и предпринимателей. По данным Левада-центра, в 2005 г. почти половина граждан (44%) считала бизнесменов вредителями, что их деятельность идет во вред России. Эта ситуация мало изменилась и в настоящее время.

Анализ социологических данных позволяет вскрыть причины такой оценки экономической ситуации в стране и соответственно понять, почему доверие к субъектам (акторам) экономической деятельности падает или подвергается серьезному сомнению (табл. 3).

Анализ данных этой таблицы показывает, что если в 1990 г. на первое место (62%) вышло недоверие к экономической

политике государства, т.е. винили в этом руководство страны, то в 2012 г. на первое место вышла оценка механизма функционирования экономики — коррупция, круговая порука, существование мафиозных групп в управлении и торговле. При этом стоит отметить, что оценка такого порока, как в коррупция, на первый взгляд мало отличается от данных 1990 г. Однако, если учесть, что безнаказанность нарушителей закона в исследовании 2012 г. оценивается высоко — об этом заявили почти 35% опрошенных, то это не что иное, как та же круговая порука и коррупция. Такой вывод позволяет утверждать, что коррупция в разных формах своего проявления увеличилась почти вдвое в глазах общества. В современной России людей продолжает волновать административный произвол, оценки которого незначительно различаются за последние 25 лет — 30% в 1990 г. и 24,6% в 2012 г.

Общественное сознание не может усвоить и примириться с такими представлениями об облике новых хозяев жизни, который отнюдь не украшает ни российское общество, ни наши представления о чести и достоинстве. Людей выводят из себя показательные презентации, кичливость богатства, неумеренность и нахрапистость новых богачей, беспардонность поведения в сочетании с отсутствием всякого вкуса и этических понятий. Как ни объясняй эти факты, но результат получается определенный: в общественном сознании сложилась крайне негативная оценка этих носителей рыночных отношений: от 40 до 60% населения об их деятельности отзываются крайне отрицательно. В 1999 г., по данным ВЦИОМ, негативные чувства вызывали разбогатевшие банкиры и предприниматели у 55% опрошенных. В 2006 г., по данным этого же исследовательского центра, 84% населения положительно

реагировали на заведение уголовных дел против инициаторов экономических преступлений (Комс. правда, 2006, 9 июня). А так как, по мнению населения, эти деятели ответственны за развал экономики, за нищету в стране, им отказывается в праве не только на уважение, поддержку, но и на существование, а часть людей выступают за применение к ним репрессивных мер. Очень часто при опросах при возможности высказаться письменно социологи на своих опросных листах встречали надписи: «их надо повесить», «посадить в тюрьму», «сослать в Сибирь» и т.д.

Иначе говоря, *парадокс заключается в том, что общественное сознание, поддерживая рыночные преобразования, в значительной степени категорично и безапелляционно настроено против субъектов этих преобразований, против тех, кто реально и на деле олицетворяет изменения экономической жизни в России*. А разве оно могло быть иным, если, говоря словами К. Штайльманна, никто не видит в российском бизнесмене «самоосуществление национального принципа, национальных задач или национального призвания. Часть в нем видят сочетание худших, осуждаемых человеческих грехов: мздоимства и прохиндейства, жадности, хамства, «крутой мафиозности» (Штайльманн, 1999).

Далее, *парадоксальность сознания и поведения людей проявилась в связи с официальной ориентацией на то, чтобы «капитализировать» сознание — сделать частный интерес основным, ведущим*. Но жизнь показала, что такая ориентация не принесла желаемых результатов. С одной стороны, мотив «трудится на общее благо, ради пользы общества» практически забыт, померк в общественном сознании, хотя общинные, коллективистские начала, пусть и в деформированном виде, продолжают существовать. Кстати, этот фактор нередко игнорируется теми исследователями,

которые видят единственный пример для России в следовании меняющимся тенденциям в индустриально развитых странах Запада. С другой стороны, по данным фонда «Общественное мнение», невысоки показатели таких «капиталистических» мотивов, как приобретение собственности (на это ориентируется 13%), на акции и «деньги в дело», — по 5%.

В связи с проблемой «капитализации» сознания стоит обратить внимание на распространенность такого парадоксального мнения, как сопоставление и сравнение роли и значимости частной собственности с другими формами собственности. В общественной и личной жизни людей, в прессе, в обыденной жизни, а порой и в научной литературе широко распространен упрощенческий, комплиментарный подход к частной собственности.

Социологическая же информация, в частности данные российско-канадского исследования «Путь России к рынку» (1992–1997) (рук. Дж. Де Бардалебен, Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойков), не выявила значительных расхождений в отношениях людей к трудовым процессам, к эффективности производства, к повышению результативности труда в зависимости от форм собственности (Тощенко, Бойков, 1990). И особенно наглядно это проявляется при оценке деятельности акционерных обществ, в которых большинство работающих продолжают строить свои взаимоотношения на производстве в том же ключе, как и в условиях государственной собственности, в том числе и в советский период функционирования экономики. Не об этом ли свидетельствуют акции протестного движения на ряде предприятий, когда весь пафос борьбы обращается против государства, а не против своих руководителей, являющихся ответственными за управляемые ими предприятия с их специфической формой собственности?

Анализируя данную парадоксальную ситуацию, некоторые исследователи утверждают, что в условиях неопределенности, неясности, непредсказуемости экономического развития большинство акционеров готовы передать бразды правления собственному тем, кто обеспечивает стабильную и высокую зарплату и решение социальных проблем на предприятии. Но на деле это означает, что люди готовы отказаться от права собственности, в обладании которой они не видят никакого прока (Гринберг, 2012).

Не менее показателен и такой парадокс, который связан с противостоянием в сознании и поведении людей социальных качеств потребителя и работника. В настоящее время они действуют прямо в противоположном направлении, хотя общеизвестно, что только тогда, когда они согласованы между собой, можно говорить о рациональном функционировании не только экономики, но и экономического поведения, образа жизни людей. Но реальная жизнь такова, что вектор усилий в этих двух ипостасях взаимно исключает друг друга.

Как потребитель человек стремится максимально эффективно и качественно удовлетворять свои материальные и духовные потребности, иметь перспективу по их более полному обогащению и обновлению. Однако как работник человек сталкивается с иной ситуацией. Не всегда оплачивается его труд, а если оплачивается, то не адекватно изменяющейся социально-экономической обстановке. Продукция, в производстве которой он участвует, по тем или иным причинам часто не востребована. Результаты труда нередко оказываются ненужными, обесцененными. Нынешняя экономическая ситуация такова, что все больше людей — и рабочих, и крестьян, и специалистов — убеждаются в том, что сейчас ни ум, ни талант, ни умелые руки не

являются залогом успеха. Более того, престиж труда, участие в создании материальных благ и духовных ценностей из рук вон плохо поощряется и не поддерживается государством.

Сегодня это мнение разделяют миллионы. Ибо не добросовестная работа, не безукоризненное и творческое выполнение обязанностей определяют благополучие и уверенность людей. Косвенным показателем падения значимости труда служат следующие данные (табл. 4).

Таблица 4. Если Вы будете работать с большей отдачей, Ваш заработок увеличится? (в % к числу ответивших)

Варианты ответов	1990	2012
Да, значительно	6	17,4
Немного увеличится	26	24,1
Нет/затрудняюсь ответить	68	58,5

Источник: данные Института социальных исследований.

Анализ данной позиции позволяет утверждать, что мы наблюдаем определенный, но все же не решающий сдвиг с точки зрения оценки своего положения как работника. С самой большой вероятностью можно предположить, что рост утверждающих это и позитивно оценивающих перспективу получать большее вознаграждение за труд произошел за счет тех, кто получил возможность трудиться на основе частной инициативы или в организациях частных форм собственности.

Не менее «эффективным» средством в поддержании этого противоречия-парадокса стало налоговое бремя, которое сводит на нет всякую производственную инициативу. Продавать, перепродавать товары стало более выгодным делом, чем заниматься производством. Стало легче и доступнее, не обременительнее и дешевле закупить и дороже перепродать товары, используя «ножницы» цен между госу-

дарственным сектором и частным, между регионами. А еще лучше спекулировать товарами из других стран, в том числе при помощи челночных рейсов, поставляя в родные края все, что приносит прибыль — даже за счет выбракованной и залежалой, утратившей срок хранения продукции. Этот массовый переход к торговле во всех ее мыслимых и криминальных формах не является злым намерением, напастью или порочным умыслом — просто делать это стало выгоднее, чем заниматься производством товаров. Такая ситуация привела к тому, что сфера обмена стала чрезмерно гипертрофированной в ущерб сфере как производства, так и распределения.

Особую группу парадоксов во взаимодействии «производитель-потребитель» образует широко распространившееся противоречие между патриотично ориентированным желанием поддерживать отечественных производителей посредством покупки российских товаров и изделий и реальным конкретным поведением этих людей при решении конкретных потребностей — в основном личных и семейных. Его суть заключается в том, что отечественные товары уступают дорогу более качественным, более привлекательным товарам западных производителей. Декларируемые желания и утверждения вступают в противоречие с реальным поведением при решении конкретных жизненных ситуаций. И такое поведение характерно не просто для одного человека или незначительных групп населения — это реальное поведение многих российских потребителей, когда желание и намерение не совпадает с фактической деятельностью.

Правда, в последние годы наметился некоторый сдвиг доверия к товарам отечественных производителей, что особенно наглядно проявилось в ситуации, касающейся продовольственных товаров и

товаров легкой промышленности. Однако в целом российские товары по многим параметрам или совсем отсутствуют, или не доходят до потребителей, или все же уступают товарам западных и восточных фирм по тем или иным показателям.

Не менее значительный парадокс существует между призывом соответствовать рыночной демократии и ориентацией в повседневной жизни на убогие и примитивные запросы, связанные с одним: как выжить. Тем более что это осуществляется в условиях, когда восхваляется и поднимается на щит умение делать деньги любым путем, способность урвать от конъюнктуры и просто шанс облапошить других людей при помощи банков, фондов и просто любителей нажиться всеми доступными, в том числе и несправедливыми, методами.

В августе 1998 г. состоялось очередное ограбление людей — дефолт, который в очередной раз подорвал доверие к государству и заодно к рыночным отношениям. Не менее шокирующим для людей оказался и кризис 2008 г., который тоже серьезно повлиял на благополучие и уверенность людей. Поэтому вполне естественно, что после многолетнего процесса обнищания у людей все больше крепнет желание пересмотреть итоги приватизации, когда за бесценок огромные богатства достались людям, сумевшим урвать от общего пирога то, что принадлежало всему обществу. А если учесть, что продолжается гигантская спекуляция землей (и это до введения института купли-продажи), расхищение редких и уникальных сырьевых ресурсов, остатков государственной собственности, то все это подводит людей к мысли о беспределе и хаосе в экономической жизни страны.

Еще один парадокс заключается в том, что многие люди (50–60%) ориентируются на возможность потерпеть, приспособиться к ухудшившейся ситуации, несмотря на

то, что они недовольны своим экономическим положением, оценивая его как плохое и очень плохое (до 70%). Здесь, как в случае с парадоксами в теории, имеет место противоречие между миром мыслимого и миром реального опыта, которые нередко противоречат или противостоят друг другу. Иначе как объяснить, что огромная неудовлетворенность сложившейся в обществе социально-экономической ситуацией продолжает сосуществовать с позитивной или сдержанной оценкой личного реального положения. Конечно, можно говорить о начавшемся процессе примитивизации потребностей, о вытеснении высших форм удовлетворения потребностей низшими, о стремлении к выживанию в экстремальной ситуации, но это не отменяет факта: люди надеются, что эти проблемы можно решить мирным способом, но при определенном раскладе политических сил. Ведь до сих пор у людей сохранилась крайне неблагоприятная историческая память, которая настойчиво напоминает о тех колоссальных издержках для всех и каждого, если разрешение противоречия между реальным и желаемым пойдет насильственным путем (Горшков, 2011).

Особо следует остановиться на таком парадоксе, который складывается в общественном сознании при оценке современного экономического положения — лично своего и всей страны. Если в советские времена было принято говорить, что «мы живем скромно, зато страна наша богатеет день ото дня», то сейчас люди склонны оценивать положение страны хуже, чем свое собственное. Эта тенденция прослеживается в опросах практически все 90-е годы (табл. 5).

В общественном сознании все больше и больше стали проявлять себя реальные, а не экзальтированные представления о рынке. Все большее количество людей

Таблица 5. Как Вы оцениваете экономическое положение (в % к числу опрошенных, N=1600)

Вариант ответа	В стране	В стране	В стране	В стране	В семье	В семье	В семье	В семье
	1997	2000	2006	2012	1997	2000	2006	2012
Очень хорошее и хорошее	0,7	2,2	9	13	3,8	5,5	9,0	18,0
Среднее	19,5	26	45	52	44,4	48,4	56	50
Плохое и очень плохое	69,4	61,0	35	28	50,9	44,1	33,0	22,0
Затруд. ответить	10,0	10,8	11,0	7,0	0,8	1,9	2,0	10,0

Источники: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – №4. – С. 48; Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2006. – №6. – С. 66; Общественное мнение-2012. – М., Левада-Центр, 2013. – С. 38, 47.

убеждается, что рынок не обеспечивает социальную защиту, не ликвидирует безработицу и нищету, не предотвращает, а, наоборот, усугубляет социальное расслоение. Что касается специалистов, участвующих в экономических преобразованиях, то многие из них от восторженных славословий перешли к критическим и даже негативным отзывам, ибо стало очевидным, что сам по себе рынок не может осуществить рациональные структурные сдвиги в долгосрочной перспективе, не способен быть социально эффективным (обеспечить социальные услуги, общественные потребности), не предотвращает процесс монополизации производства и ценообразования. На эти процессы общественное сознание не может не реагировать, не может оставаться в стороне. В результате происходит «излечение», т.е. избавление от несостоявшихся ожиданий и надежд и возвращение на реальную почву должного и сущего.

* * *

Провозглашенное преимущество рыночных отношений не может само по себе пробить дорогу. Если они не будут социально ориентированы, людей ждут (вернее значительную часть населения) и нищета, и обездоленность, и отчаяние. А это в свою очередь сопряжено с возможными соци-

альными катаклизмами, хотелось бы этого кому-нибудь или нет. Так что в российском обществе есть очень небольшой выбор: или дорога первоначального (кровавого, мерзкого и очень длительного) накопления капитала с надеждой на светлое будущее через неведомое время, или регулирование рыночных отношений, пересмотр форм и методов экономической политики. И если к первой дороге не надо прикладывать руки (мол, сама история выведет нас на путь зажиточной жизни), то для второй следовало бы приложить немало усилий, чтобы вырулить на путь, достойный человека XXI века (подробнее см.: Гринберг, 2012).

Таким образом, в основе экономических парадоксов лежат огромные сдвиги, которые произошли как в обществе в целом, так и в жизни каждого человека. В современных условиях российского общества коренным образом изменилась ситуация, базирующаяся на отношениях собственности и производных от нее отношений владения, пользования и распоряжения. На наших глазах происходит изменение сущностных черт экономического сознания и поведения, которые за годы советской власти были не только нормативными требованиями, но и стали традицией, стереотипами мышления и

деятельности многих миллионов людей. Этот разрыв между мнимым и сущим, между официальной политикой и социально-экономическими реалиями, между ориентациями и результатами происшедших изменений и лежит в основе той парадоксальности, которую мы наблюдаем в сегодняшней жизни.

Стоит отметить, что значительный вклад в эту парадоксальную сумятицу происходящего внесли сумбурные, противоречивые концепции ученых, представляющих различные догматические, популистские или слепо копирующие чужой опыт идеи. Опыт хозяйствования в России в 1990-х гг. убедительно доказал, что, во-первых, нельзя, даже руководствуясь самыми благими намерениями, ускорять

ход преобразований, игнорировать уроки мирового опыта, отрывать от жизни. Во-вторых, научный и политический экстремизм, основанный на абсолютизации монетаристских методов и не учитывающий всего спектра современных воззрений, не может привести к успеху.

Следовательно, парадоксальность нынешней и завтрашней социально-экономической ситуации, а соответственно экономического сознания и поведения людей, состоит в том, что объективные и субъективные силы исторического процесса действуют в разных, а иногда в прямо противоположных направлениях, что не придает стабильности и уверенности в скором решении насущных проблем российского общества.

Литература

1. Горшков, М.К. Реформы в зеркале общественного мнения / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2011. – № 10. – С. 6.
2. Гринберг, Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора / Р.С. Гринберг. – М., 2012.
3. Душацкий, Л.Е. Ценностно-мотивационные доминанты российских предпринимателей / Л.Е. Душацкий // Социологические исследования. – 1999. – № 7.
4. Ильичев, Г. Почти половина россиян считает бизнесменов вредителями / Г. Ильичев // Известия. – 2005. – 14 июля.
5. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – № 6. – С. 40.
6. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек / Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
7. Тощенко, Ж.Т. Экономическое сознание: состояние и тенденции / Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойков (ред.). – М.: АОН при ЦК КПСС, 1990.
8. Штайльманн, К. Новая философия бизнеса: в 3 т. / К. Штайльманн. – Т. 1. – М. – Берлин, 1998.

Toshchenko J.T.

Economic consciousness and behavior: state and trends (1990–2012)

Toshchenko Jean Terent'evich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Editor of the journal of the Russian Academy of Sciences “Sociological Studies”, Dean and Head of the Department of Theory and History of Sociology at the Division for Sociology of Russian State University for the Humanities (zhantosch@mail.ru)

References

1. Gorshkov M.K. Reformy v zerkale obshchestvennogo mneniya [Reforms in the Mirror of Public Opinion]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2011, no. 10, p. 6.

2. Grinberg R.S. *Svoboda i spravedlivost'. Rossiiskie soblazny lozhnogo vybora* [Freedom and Justice. Russian Temptations of False Choice]. Moscow, 2012.
3. Dushatskii L.E. Tsennostno-motivatsionnye dominanty rossiiskikh predprinimatelei [Value-Motivation Dominance of Russian Entrepreneurs]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1999, no. 7.
4. П'ичев G. Pochti polovina rossiyan schitaet biznesmenov vreditelyami [Almost Half of the Russians Consider Businessmen as Enemies]. *Izvestiya* [News], 2005. July 14.
5. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 1999, no. 6, p. 40.
6. Toshchenko J.T. *Paradoksal'nyi chelovek* [Man of Paradox]. Moscow: UNITI-DANA, 2009.
7. Toshchenko J.T. *Ekonomicheskoe soznanie: sostoyanie i tendentsii* [Economic Consciousness: State and Trends]. Under editorship of V.E. Boikov. Moscow: AON pri TsK KPSS, 1990.
8. Stahlmann K. *Novaya filosofiya biznesa: v 3 t. Tom 1* [New Business Philosophy: in 3 Volumes. Volume 1]. Moscow – Berlin, 1998.